

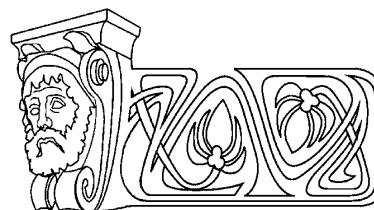

УДК 130.2

СИЛА И ВЛАСТЬ ТЕХНИКИ: ИЗБЫТОК ИЛИ НЕХВАТКА?

С.В. Соловьева

Самарский государственный университет
E-mail: metaphisica@rambler.ru

В статье осмысляются властные и силовые аспекты техники в горизонте экзистирования человека. Проблематизация вопроса о связи техники и жизни человека позволит исследовать не политический и не институциональный, а экзистенциальный смысл власти.

Ключевые слова: сила, власть, техника, экзистенция, избыток, нехватка.

The Force and Power of Technology: Too Much or Not Enough?

S.V. Solovyova

This article dwells upon a question of power and force aspects of technology as far as the existence of human is concerned. Problematization of the point of connection of equipment and human life will help research neither the political nor the institutional but the existential meaning of power.

Key words: force, power, equipment, existence, too much, not enough.

Влияние техники на жизнь общества, цивилизации и человека трудно переоценить. Как верно подмечает Х. Сколимовски, «техника превратилась, если использовать хайдеггеровский термин, в часть Бытия человека». Мы приветствовали этот симбиоз человека и машины до тех пор, пока влияние техники на прогресс и развитие казалось благоприятным. В технологической эйфории 1920–30-х гг. Ле Корбюзье, Б. Фуллер и другие мыслители называли дом «машиной для жилья»¹. Эта эйфория позади. Сейчас мы пересматриваем все наше технологическое наследие, пытаемся по-новому сформулировать проблему власти и влияния техники на жизнь человека.

В отношении техники словарь власти достаточно разнообразен: техникой овладевают, техникой управляют, при помощи техники накапливают, распределяют, преобразуют и пр. Помимо клишированных значений интерес вызывает другой ракурс вопрошания: что собой представляет сила и могущество техники? В чем выражается силовой аспект власти техники? Вопрос о количест-

венных определениях силы техники – это вопрос для инженера и изобретателя, в философии он приобретает иную формулировку и поворот мысли. Думается, что сила техники по отношению к бытию человека определяется через состояние избыточности (а может быть, недостаточности?), порождающее (или, напротив, порожденное?) эффектом включения техники в жизнь человека. Если исходить из интуиции, что техника выступает способом властного освоения природы, то что в экзистировании человека позволяет ему действовать таким образом, каковы истоки власти техники в экзистировании? Кажется, что техника появляется из нужды, но как объяснить стремительность ее прогресса, массовость, обилие, разнообразие? Этот вопрос кажется существенным, ведь, несмотря на мотив нужды в создании и использовании технических средств, во власти техники присутствует и заявляет о себе избыточность² сил, движение от одного обилия и разнообразия к другому. Очевидно, что природа технической избыточности выражает избыточность человеческой экзистенции.

В понятии избыточности содержатся значения изобилия³, полноты, множества. Избыточность чаще понимают как категорию количественную, то, что характеризует излишнее, сверх достаточного. В избыточности уже на уровне языка присутствуют два важных для рассуждения о власти и силе техники смысла – это обилие и разнообразие. Избыточность показывает сущее не только со стороны его разнообразия, но также и богатства, полноты, она имеет не просто количественный характер, но уже характеризует сущее в перспективе качества или определенности. А это имеет решающее значение в понимании силовой природы власти в целом и техники, в частности.

Избыточность техники в самом очевидном смысле получает свое воплощение в угрожающих обилии и масштабности производительных сил. Можно вспомнить множество художественных и документальных фильмов, где показываются картины индустриального пейзажа, громада и широта заводского ландшафта, который заполнен до отказа производственно-техническими средствами и произведенной продукцией. Избыточность производства и техники в экономическом смысле выражается в прибавочном продукте, т.е. в создании такого избыточного блага, которое выходит за рамки удовлетворения непосредственных потребностей. Прибавочный продукт создает новую социальную проблему – проблему избыточности благ или богатства, и техника играет заметную роль в его производстве, как в материальном, так и в информационном отношении. При посредстве техники происходит интенсификация процессов наполнения мира материальным благом.

Силовые аспекты техники открываются в реальности «усилия» человека в действии по осваиванию мира природы. По мнению Х. Ортеги-и-Гассета, техника представляет собой «усилие ради сбережения усилий» и имеет два решающих признака. Во-первых, техника уменьшает усилия, обусловленные обстоятельствами, она есть нечто энергосберегающее для человеческого существования. Во-вторых, техника изменяет окружение, среду, тем самым облегчая жизнь человека. Из силового понимания природы техники испанский мыслитель приходит к заключению: человек – это не вещь, а усилие, стремление к экономии сил вызывает к жизни рождение техники. Человеческая жизнь не совпадает с составом природных потребностей, человек никогда полностью не совпадает с объективными условиями и обстоятельствами, он нечто отличное от них. Технические действия – это совокупность таких актов, которые ведут к преобразованию человеком природы с целью удовлетворения своих потребностей. «Техника – это преобразование природы, той природы, которая делает нас нуждающимися, обездоленными»⁴. Техника – это

не приспособление субъекта к среде, но, напротив, приспособление среды к субъекту, это своеобразный бунт против окружения и неудовлетворенность миром. Мысль Ортеги-и-Гассета о силе техники как разумно управляемом и использованном «усилии» представляется важной.

Думаю, что человек создает технику не по причине нужды своего природного существования, но от избыточности экзистенции. «Человеку необходимо лишь объективно излишнее, – пишет Ортега-и-Гассет. – Как это ни парадоксально, но данный вывод – чистая истина <...> Даже то, что человеку объективно необходимо, является таковым, лишь когда связано с избыточным, излишним. Здесь нет и не может быть двух мнений: человек – это такое животное, которому нужно излишнее»⁵. Возможность избыточного – вот ключ к пониманию экзистенциального смысла власти техники как произведения человеческой жизни. Техника – это производство избыточного, и этот тезис имеет значение в любую историческую эпоху, начиная с примитивных орудий, заканчивая современными армадами технических средств. Сходную мысль высказывает и Э. Юнгер: «Тот, кто желает господства подлинно производительных сил, должен также суметь, стремясь охватить целое, составить себе представление о подлинном производстве как о великом и всеобъемлющем *плодородии* (курсив мой. – С.С.)»⁶. Нам ближе позиция Ортеги-и-Гассета и Э. Юнгера, которые полагали, что человек – технический творец преизбытка, что человек, техника, благосостояние и полнота – синонимы. Это изначальное состояние избытка может быть выражено в любом направлении действия и поступка, может быть реализовано через любую возможность экзистенции. Особенность техники как стратегии целенаправленной деятельности человека состоит в том, что она имеет революционный (Э. Юнгер) или протейческий (Х. Ортега-и-Гассет) в отношении к реальности характер.

Противоположную позицию занимает Ф.Г. Юнгер: техника создает небывалый рост могущества, но всякая техническая организация связана с решением вопроса: «каковы

границы эффективности технической организации»? Ф.Г. Юнгер парадоксально отвечает на этот вопрос: «Главный и самый заметный признак организации состоит в том, что она направлена не на приумножение богатства, а на распределение бедности. С распределением бедности неизбежно происходит ее распространение <...> По мере того как это происходит, уменьшается неорганизованная сфера, пока не наступит момент, когда организация терпит крушение из-за того, что стало нечего распределять»⁷.

Технический прогресс не ведет к обогащению, но, напротив, старается сделать более эффективным упорядочивание бедности! Никому же не приходит в голову, как замечает философ, распределять предметы, которые имеются в изобилии, зато недостаток, нехватка, дефицит понуждают принимать такие меры и сразу все организовывать, ничего не производя, но истребляя существующее богатство. Верным признаком бедности является прогрессирующая рациональность организационных структур, всеобъемлющее, проникающее во все области хозяйственной жизни подчинение человека бюрократическому аппарату управления. Техника и организация, по Ф.Г. Юнгеру, есть олицетворение нехватки. Изобилие и достаток вызывают ассоциации с плодородием, но никак не с техникой, которая ничего не творит, но организует спрос. Рационализация техники только усиливает нехватку и увеличивает потребление. По мнению Ясперса, Ф.Г. Юнгер создает безвыходную картину подчиненности техникой. На самом деле Ф.Г. Юнгер проблематизирует разделяемый многими тезис, что техника освобождает человека от труда и увеличивает его досуг (к чему присоединяется и Ясперс). Но Ф.Г. Юнгер не останавливается на этом и выдвигает более радикальный тезис: техника не увеличивает богатство, так как богатство – это не владение имуществом, а особое бытие человека. «Богатство есть не что иное, как царственное могущество человека-властелина <...> Верным признаком богатства является то, что оно, словно Нил, изливает вокруг себя *изобилие* (курсив мой. – С.С.). В человеке

оно проявляется в царственной щедрости, которая золотыми жилами принижывает все его существо»⁸. Изобилие, избыток – не конечная цель и стремление деятельности человека, но оно изначально, и, имея бытийный опыт изобилия, избытка, человек может создать материальное и техническое могущество. Такова интуиция и идея избыточности Ф.Г. Юнгера.

Ясперс утверждает обратное: техника служит освобождением от *нужды*. Задача человека состоит в том, чтобы самостоятельно найти путь к управлению техникой, «техника господствует только над механизмом, над безжизненным, универсальным», во власти техники только механически постигаемое. Он отмечает, что создаваемое при помощи техники носит «универсальный, а не индивидуальный характер», «техника нацелена на типичность и массовую продукцию». Для Ясперса техника – это нечто лишнее выражения, безличное, бесчеловечное: «техника всегда связана с материалами и силами, которые ограничены». Технический способ действия человека в мире исходно вытекает из нужды и ограниченности сил и ресурсов. Современная техника нуждается в материалах, ресурсах, энергии, и если они закончатся, то век техники станет прошлым, но человечество не погибнет, лишь количество людей уменьшится, следовательно, «техника ограничена в своих открытиях возможной целью и ее характер определен ее концом»⁹.

Линию экзистенциального анализа власти техники блестяще продолжает М. Хайдеггер. Он, исследуя вопрос о сущности современной техники, говорит о том, что способом раскрытия потаенного в современной технике выступает производство. Структура производства ставит «перед природой неслыханное требование быть поставщиком энергии, которую можно было бы добывать и запасать как таковую»¹⁰. Философ метко подмечает фундаментальный аспект современной техники – ее энергийный, силовой характер. Он полагает, что нынешняя техника есть способ выкачки энергии из природы, тем констатируя *добывающий* смысл современной техники. Думается, что технический

способ организации жизни есть не только добыча (любопытно, что слово «добыча» в современном мире по своему смысловому содержанию отлична от добычи охотника или воина). Техника разворачивается не только в сторону добычи и сбережения, но сама по себе представляет определенный тип управления энергией. Техника добывает из природы энергию только в силу того, что сама есть энергетическая, силовая машина по производству, управлению, сбережению энергии. Из энергетического (которое можно считать онтологическим) устройства техники вытекают все экономические, социальные, человеческие последствия, что емко выражено в таком клише, как «энергетический бюджет государства, цивилизации».

Внутри понятия техники существует, по крайней мере, два базовых смысла: с одной стороны, техника – это орудие, средство для присвоения энергии и силы природы, с другой стороны, это технэ, искусство, способ действия. Сила техники объявляет себя и в рациональном управлении техникой как средством, и в совершенствовании способа действия (технического покорения природы). Созданный человеком мир техники несет в себе силовое начало, чем и объясняется способность техники проявлять власть.

Современный техногенный мир – это структура по управлению энергиями, прежде всего природными, но к ним добавились информационные, медийные, антропологические и пр. Тотальность власти техники проявляется не только в том, что современный человек не способен обойтись без технической платформы функционирования цивилизации в организации комфорта его жизни, но в той ориентации сознания, которая вырабатывает алгоритм повседневности. Думается, что популярность в среде среднего класса освоения телесных техник (например йоги) и психотехник имеет своим основанием техногенный характер существования цивилизации. Всевозможные виды техник организуют современную повседневность, где техника – не только инструмент для организации экономических процессов, но способ организации сознательной жизни индивида. Произво-

дительный и энергичный характер техники вырастает из установок рационального сознания и субъекта власти, в основе которого лежит освоение мира на основе рационального знания. Хайдеггеровская критика власти техники раскрывает ее добывающе-производящий характер и называет этот тип управления ресурсом – «состоянием-в-наличии». Техногенному миру цивилизации Хайдеггер противопоставляет мир силы и могущества земли, почвы, бытия и открытости истины. Постав, состояние-в-наличии против мистической силы почвы, энергетическая экономия против плодородия земли – такова композиция видения проблемы силы и власти техники у Хайдеггера. Как замечает Левинас, «Разоблачая безраздельное господство технического могущества человека, Хайдеггер превозносит дотехнические формы обладания <...> Онтология становится онтологией природы, анонимным избытком, безликой щедрой матерью, истоком конкретных вещей, неисчерпаемым материалом вещей»¹¹.

Большинство исследователей исходят из того, что субъектом власти техники выступает инженер, изобретатель, техническая рациональность и пр. Отклонением от этой позиции становится концепция Э. Юнгера, для которого субъектом власти техники выступает гештальт рабочего. Для осознания избыточного характера силы и власти техники недостаточно классового сознания (о культивировании которого писал К. Маркс), так как классовое сознание – эффект бюргерского мышления. Необходимо войти в режим мобилизации гештальта рабочего. Самым адекватным типом подобной мобилизации выступает техника. Рабочий выступает субъектом техники, так как он выявляет ее силовую природу. Силовым аспектом власти техники выражается в состоянии мобилизации или максимального концентрирования силы в одной точке.

Э. Юнгер выступает против двух пространственных заблуждений: первое гласит, что человек творец – властитель техники, второе, что человек – ее жертва, объект подчинения. Для него техника – это «способ,

каким гештальт рабочего мобилизует мир», это «владение языком, актуальным в пространстве работы». В технике соединяются акт владения, использования (первое) и акт силы в образе мобилизации, концентрации ресурсов и напряжения мира (второе). Исполнение этих актов по плечу исключительно рабочему, а не тому типу действия, который реализует бюргер, христианин и пр. Гештальт рабочего тотально разрушает все старые и чуждые технике узы, но пока рабочий живет в мире бюргера, только «техника в это время выступает как *единственная власть* (курсив мой. – С.С.), не подверженная этим симптомам, что явно выдает ее принадлежность к иной, более значительной системе отсчета»¹².

Техника как вид силы альтернативна силе любой веры, и прежде всего христианской. Необходимо отрешиться от понимания техники как элемента экономики и прогресса, только война раскрывает присущий технике властный характер¹³. Техника, по Э. Юнгеру, никогда не являлась нейтральной, напротив, она сама выступает силой, властью и ресурсом для тотального пространства работы и средством для революции. Поставить технику на службу, создать единую и плотную сеть технического пространства может лишь легитимная власть рабочего и работы. Концепция Э. Юнгера блестяще раскрывает суть силы техники, которая связана с рождением нового типа власти – власти рабочего, но не диктатуры пролетариата в политическом срезе (Маркс), а нового властно-силового способа основания мира, действия в нем, который был назван Э. Юнгером «гештальтом Рабочего».

Таким образом, тема силы, избытка и нужды, которая располагается за очевидным описанием власти техники, важна, так как именно из экзистенциальных состояний избытка или нехватки возникают всякого рода коллизии власти. Экспликация исходной интуиции об избыточности бытия, в том числе в ситуации владения, овладения вещами и природой, приводит к ряду выводов. Особенность современной ситуации состоит в том, что индивидуальный опыт владения,

власти над вещами в нынешнем техногенном мире лишается отпечатка уникальности и самобытности, но становится социальной и интеллектуальной машиной подчинения и господства. Когда создатели и производители техники начинают ввергать человека в сферу нужды и ограниченности, тогда человек начинает сопротивляться и опознавать технику как власть, устроенную по модели господства, а не произведения, становления, свершения. Нужда и вечное бегство за ресурсами, силой и энергией, структурированное в жесткие рамки технических средств, извращает власть, делая ее внешней и враждебной для человека. В то же время осознание избыточности экзистенции может привести к пониманию техники как способа реализации избыточности и силы бытия человека. Идея избыточности человеческого существования как экзистенциального фундамента власти позволяет выработать новое представление о власти. Здесь власть не разрушает человека, не загоняет его в жесткие рамки социального функционирования, но позволяет решиться на событие, сделать выбор, а также повлиять на выбор другого, минуя ситуацию господства и подчинения.

Эти рассуждения об экзистенциальных коллизиях избыточности (или нехватки) как основания власти и силы техники не настолько спекулятивны, как могут показаться с первого взгляда. Прежде всего, это касается последствий от внедрения техники в жизнь общества, среди них наиболее очевиден процесс рационализации и технологизации сферы политического. Если ключевым понятием старой политики было понятие блага, то современная политика предотвращения и рационального функционирования решает, прежде всего, технические задачи, которые не требуют публичного обсуждения. О кризисе идеологии и политики, даже ее смерти в эпоху тотальной власти техники говорят многие. Вот что пишет Д. Эллюль по этому поводу: «Техника – фактор порабощения человека. Но, разумеется, не только порабощения! Она могла бы быть, гипотетически говоря, фактором его освобождения. Единственная реалистическая революция направит-

ся именно по этому пути, и она будет иметь своим последствием радикальное отвержение любых идеологий <...> Беда в том, что политика, какую мы ее видим сегодня, совершенно не в состоянии справиться с техникой и сама ею полностью детерминирована»¹⁴. Парадокс новой технократической мысли, по мнению Эллюля, в том, что дальнейшее развитие техники и возрастание ее социальной роли он считает возможным только при радикальном переключении энергии общества с технических целей на духовные. Он говорит об опасности срастания информационно-технического ресурса с бюрократической властью, которое приведет к тому, что власть застынет несокрушимой глыбой.

Мы соучаствуем в процессе коррозии системы либеральной и демократической идеологий, которая уступает место деполитизированному обществу массового потребления. Ю. Хабермас, следуя за Маркузе, рассматривает технику и науку как современный тип идеологии. По его мнению, технократическое сознание становится «менее идеологическим» в сравнении с предшествующими идеологиями. В то же время «доминирующая теперь, скорее, прозрачная идеология заднего плана, превращающая науку в фетиш, является более непреодолимой и всепроникающей, чем идеологии старого типа». Тотальность и всеохватность современной идеологии технократизма состоит в том, что она уже не оправдывает частные интересы господства одного из двух классов, но «затрагивает интересы эмансипации человеческого рода как такового». Объектом эксплуатации технической власти становится не один класс («эксплуатируемый», по Марксу), но все человечество в целом¹⁵.

Таким образом, власть техники выстраивается не только по модели господства, которое вытекает из социальных условий её функционирования, но также имеет глубокие экзистенциальные основания, которые были описаны в традиции антропологического по-

нимания сущности и власти техники. Власть и сила техники фундирована состоянием избыточности/нехватки бытия экзистенции.

Примечания

¹ См.: Сколимовски Х. Философия техники как философия человека [Электронный ресурс] / Х. Сколимовски // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000959/st000.shtml> (дата обращения: 12.10.2009).

² «**Избыточность**, наличие в техническом устройстве возможностей сверх тех, которые могли бы обеспечить его нормальное функционирование. **Избыточность** вводится для повышения надёжности работы изделия в различных условиях эксплуатации <...> **Избыточность** – запас времени для повторного выполнения операции <...> энергетическая **Избыточность** – запас мощностей, который может быть использован в более тяжёлых условиях эксплуатации или при старении изделия (См.: Большая Советская энциклопедия // URL: <http://bse.sci-lib.com/article051085.html> (дата обращения: 12.10.2009).

³ В греческом слове **βάθος** (изобилие) содержатся следующие значения: глубина, бездна, пропасть, длина, высота, *перен.* обилие, *перен.* глубокомыслие, серьёзность (См.: Большой древнегреческий словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://slovarus.info/grk.php?id=%26%23946%3B> (дата обращения: 12.10.2009).

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // Избр. тр. / Пер. с исп., сост. и ред. А.М. Руткевича. М., 1997. С.171.

⁵ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С.175.

⁶ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер; пер. с нем. А.В. Михайловского. СПб., 2000. С.156.

⁷ Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность / Ф.Г. Юнгер; пер. с нем. И.П. Стебловой. СПб., 2002. С.34.

⁸ Юнгер Ф.Г. Указ. соч. С.27,28.

⁹ См.: Ясперс К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. М., 1994. С.133–137.

¹⁰ См.: Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Библихина. М., 1993. С.226.

¹¹ Левинас Э. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас. М., СПб., 2000. С.84.

¹² См.: Юнгер Э. Указ. соч. С.239–240.

¹³ Там же. С.245.

¹⁴ Эллюль Д. Другая революция [Электронный ресурс] / Д. Эллюль // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000949/st000.shtml> (дата обращения: 11.01.2009).

¹⁵ См.: Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас // Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М., 2007. С.98–99.